

Утро вечера мудренее... Но только при одном условии: если дожить до утра.

Дон Аминадо

ПРОЛОГ

...За последние пять лет он, пожалуй, впервые надел все награды. Вначале он даже примерил парадную форму, однако, увидев свое изображение в зеркале, счел это неуместным. Задуманное им превратилось бы в фарс. Поэтому форма одежды осталась повседневной. Аккуратно распределив на груди медали и орден Красной Звезды, он снова замер у зеркала. «Дурак дураком», — обозвал он себя. Попытался улыбнуться, но вышла злая, некрасивая гримаса.

— Старый кретин, — уже вслух произнес он, двинувшись в дальнюю комнату.

Никто с ним не спорил и не возражал — жены и дочери не было дома, да и вряд ли они могли бы остановить его. Решение принято им давно.

Открыв несгораемый сейф, стоявший в углу на допотопной тумбочке, он извлек на свет божий пистолет «ТТ» и две противотанковые гранаты...

С утра моросил дождь, а к полудню выглянуло солнце и начали просыхать лужи. Он шел привычным маршрутом, и тем не менее улица казалась ему совершенно иной. Примерно такой, как улица Лермонтова в Грозном, рядом с больничным комплексом, где несколько лет назад он, еще пятеро офицеров и две дюжины необученных пацанов-срочников оказались в окружении. Тогда он сумел не только прорваться и победить, но и

уцелеть. Сегодня вряд ли... И все же он не замедлял шага. Выбора не было...

Он не знал, что за ним внимательно наблюдала не одна пара глаз.

Миновав промтоварный магазин, он приблизился к железным воротам, выкрашенным в ярко-зеленый цвет, с двумя огромными красными звездами в центре каждой створки. КПП он минует без проблем, главное — дальше. Подняться на третий этаж... Застать генерала одного... Впрочем, даже если он будет не один, назад пути нет. Ничего...

У КПП топтались двое молодых людей в штатском. Один из них курил; они негромко переговаривались, но, увидев его, насторожились и напряглись. Это было почти незаметно, но двадцать лет службы и пятнадцатилетний боевой опыт научили его в таких ситуациях безошибочно понимать каждый жест, любое движение. Эти ребята ждали его. Степнов чуть замедлил шаг и как бы случайно обернулся. Оценить расстановку сил... Сделал он это вовремя — сзади к нему приближались еще трое. Двое незнакомых мордovorотов в кожаных куртках и военный с погонами капитана. Последний был хорошо знаком ему, просто до омерзения хорошо. Офицер (если это дерьмо можно так назвать) был оперуполномоченным особого отдела ФСБ воинской части Кукшинным, и его появление не сулило новогодних подарков. «Подарки» капитана были иного рода. Степнов кожей ощутил «ТТ» в правом кармане куртки, гранаты — в боковом, оружие просилось в руки. Тем не менее он оставался спокоен, расслаблен, лишь слегка замедлил шаг. Ситуация была просчитана автоматически, почти подсознательно, решение пришло почти мгновенно. Ребята в штатском и особист быстро и грамотно окружили его, отрезав все, как им казалось, пути к прорыву или отступлению.

— Степнов Андрей Константинович? — начал особист.

— Нет, Буденный Семен Михалыч, — в тон Кукшину ответил Степнов. Голос звучал с вызовом, но спокойно, как у поддатого взводного, задержанного комендантским патрулем в пьяной драке на танцплощадке.

— Выньте руки из карманов! — уже совершенно другим тоном визгливо приказал особист.

— Да пожалуйста! — Руки майор вынимал не торопясь, как и полагается в подобных случаях.

Видимо, обескураженные его спокойствием и покладистостью, штатские мордovorоты не торопились переходить к действию. Или ждали команды Кукшина. Они явно расслабились, забыв, что в подобных случаях именно руки — самое страшное оружие. Тем более руки гвардии майора ВДВ Степнова. Они были далеко не профессионалы, как и их командир Кукшин, и мерили окружающих на свой аршин.

— Что смотрите?! — Этот визг особиста уже относился к подчиненным. — Обыскать! — Сам же Кукшин предусмотрительно сделал пару шагов назад. Ну просто не хотел мешать подчиненным делать свое дело...

«Ну все! Теперь вперед!» — скомандовал себе майор, как только руки стоявшего сзади мордovorота опустились на плечи, а двое других подошли вплотную — сбоку и спереди. Майор резко нырнул корпусом вперед и вниз, посылая правый каблук в промежность стоявшего за его спиной бугая, и тут же услышал почти в самое ухо его звериный вой. Обратным махом той же ноги подсек под голень молодца, находившегося сбоку, послав его, как кеглю, в высыхающую лужу, а третьего надолго согнул пушечным прямым правой в печень, отработанным еще в боксерской секции Казанского суворовского. Очень ему хотелось достать и Кукшина, однако серьезной опасности эта гниль сейчас не представляла (пятившийся особист нервно теребил кобуру под полой

офицерского плаща, пытаюсь обнажить ствол), и майор пока забыл о его существовании. Стрелять Кукшин все равно не решится. Пропустив неплохо поставленный удар в голову четвертого нападающего, Степнов устоял и ответил крюком в челюсть. Парень, видно, был тренирован лучше остальных и рухнул не сразу, майор помог ему, резко ткнув носком армейского ботинка под колено. Техниккой скоростного боя майор владел виртуозно. Не снижая темпа импровизации, Степнов выхватил «ТТ», прыгнул назад и оказался за спиной уже приходящего в себя бугая, схлопотавшего тяжкий тычок пяткой армейского грязедава по мошонке. Схватив мычащего, скорченного детину за волосы и поддав коленом в тугой зад, майор разогнул его и втиснул ствол пистолета в стриженный затылок.

— Всем лежать! — Хриплый голос майора хлестнул по ушам негромко, но страшно. Ребята, впрочем, и не торопились подниматься — сеанс рукопашного боя майора Степнова произвел должное впечатление. Кукшин перестал пятиться, упершись в фасад промтоварного магазина, вытащить оружие он так и не решился. Легко подхватив многокилограммовую тушу, майор Степнов двинулся на КПП, охраняемый парой солдатиков-срочников и вечно сонным упитанным прапорщиком.

— Лежать! — Майор подал команду так, что солдатские ноги-руки выполнили ее молниеносно.

Солдаты и прапорщик легли, где стояли. Прикрываясь живым щитом в лице неудачливого кукшинского помощника, Степнов оказался на территории воинской части, еще совсем недавно бывшей для него вторым домом.

А в эти мгновения особист дрожащими пальцами жал на кнопки мобильного телефона.

— Ну? — раздалось наконец в мобильнике. Голос был низкий, с интонацией хозяина, не привыкшего к возражениям.

— Степнов прорвался на территорию...

— Знаю, — перебил собеседника хозяйский голос. — Уже слышу... Ты, недоумок, сейчас мотай отсюда... И подальше! С тобой потом разберемся...

— Но Степнов... Он вооружен! И очень... — Кукшин медленно приходил в себя. Угроза его жизни и здоровью, кажется, миновала.

— С ним разберемся сами, — оборвал его причитания хозяин.

Минуты через три в горотдел внутренних дел поступило сообщение: на территорию в/ч № ... проник вооруженный террорист, одиночка, отставной майор ВДВ. В настоящий момент, прикрываясь заложником, террорист укрылся в одном из подсобных помещений в/ч. По имеющимся данным, вооружен пистолетом «ТТ» с несколькими боекомплектами и, возможно, имеет взрывное устройство — одно или несколько, скорее всего штатные боевые гранаты.

— Дела... — Заместитель начальника горотдела, дежуривший в этот день, был наслышан о своеобразных порядках в этой воинской части: дезертирства солдат с оружием случались неоднократно, иные кончались перестрелкой, но чтобы майор, да с гранатами... Вполголоса оценив ситуацию универсальным трехэтажным словосочетанием, дежурный соединился с базой местного СОБРа.

— Дежурное отделение! Срочно на выезд! Снаряжение в режиме ПВ¹! Захват заложников на территории в/ч №... террорист вооружен...

...Через пятнадцать минут автобус с бойцами спецотряда быстрого реагирования въехал на территорию воинской части.

¹ ПВ — повышенная сложность.

...— Степнов! Сдавайтесь! Выбросьте оружие через дверь и выходите с поднятыми руками!

Майор узнал голос командира СОБРа. В марте 1995-го при штурме одного из чеченских сел, ставшего боевой базой дудаевцев, была сформирована специальная офицерская рота. В нее входили исключительно добровольцы, пацанов-срочников решено было не трогать. Помимо офицеров ВДВ и морской пехоты, в особой роте оказались несколько мужиков из СОБРа и ОМОНа. До этого Степнов, как и другие гвардейцы-десантники, не жаловал ментовские сводные отряды, всегда идущие в кильватере армейских частей, однако теперь майор проникся уважением к «серому спецназу»... Одним из таких добровольцев и был нынешний командир СОБРа, чей голос призывал майора Степнова сию же минуту выходить с поднятыми руками.

— Нет! Этого не будет!

Узенькая щель в дощатой стене не позволяла майору видеть весь театр боевых действий, однако он узрел два силуэта в пятнистой форме, метнувшихся к дверям. Спецназ уже здесь. Это не недоумки Кукшина, а волкодавы-профессионалы. Майор поудобней улегся между столом и стареньким трюмо, взял под прицел дверь, одновременно фиксируя закрытое окно, и достал из кармана первую гранату...

...И тут же понял, что не сможет выстрелить в добровольцев. Он совсем не для этого сюда пришел... Ему нужен был генерал! Этот мерзавец сейчас находится далеко отсюда, и никакой гранатой его не достать. За дверью раздался чуть слышный шорох... Сейчас ребята-спецназовцы окажутся здесь. И тогда он должен будет... Противотанковая граната привычно лежала в ладони. Степнову неожиданно припомнилась еще одна картина из прошлой жизни: похороны молоденького взводного, павшего от пули снайпера рядом с больничным комплексом. Страшный крик девятнадцатилетней

вдовы, переходящий в вой, надрывно зазвучал в голове майора...

Собровцы изготовились к атаке. Порядок «работы» объявлен обычный: отвлекающий маневр — бросок шумовой гранаты в окно, тут же выбивается дверь, а дальше — по обстановке. Командир уже поднял руку, давая команду к штурму.... И тут за дверью раздался одиночный пистолетный выстрел...

Лица у майора не было. «ТТ» — серьезное оружие, упертый под подбородок ствол снес Степнову полчерепа. Офицер лежал на спине, широко раскинув ноги. Шесть медалей и орден наискось разъехали по широкой груди. Из медалей Андрей Степнов по-настоящему ценил только две — «За отвагу» и «За боевые заслуги», полученные еще в ДРА¹. Там же его представили к Герою, но политотдел дивизии не утвердил и заменил на Красную Звезду. Остальные медали, вроде «За безупречную службу», выдавались к очередной юбилейной дате.

Командир СОБРа снял каску-полусферу, его движение вразной повторили подчиненные. Тем временем в помещение протиснулись несколько человек — представители командования в/ч, сотрудники особого отдела (среди которых, конечно, маячил Кукшин) и военный прокурор с помощником.

— Велись ли переговоры с этим... с погибшим перед его самоубийством? Что он говорил? — Вопросы задавал высокий, грузный человек лет сорока пяти. Он был одет в полевую генеральскую форму, и, хотя на каждом «беспросветном» погоне красовалось по две звезды, командир собровцев вначале не обратил на него внимания — тот стоял позади фээсбэшников и прокурора.

¹ Демократическая Республика Афганистан.

У генерала был крупный пористый нос, оловянные глаза навывкате и тонкий, почти безгубый рот.

Собровец раскрыл было рот, но его опередил Кукшин:

— Все в порядке, Петр Петрович! Теперь он замолчал наве...

Кукшин осекся: ему на ногу тяжело наступил начальник особого отдела подполковник Травкин. Генерал поморщился, как от запаха из солдатского сортира, и с усталой досадой продолжил, сделав вид, что не заметил Кукшина и не услышал его реплики:

— Майора нужно было взять живым. Живым! И выяснить все! Причины его поступка, замыслы, возможных сообщников, где взял оружие... Вот вы, Травкин. — Круглые оловянные глаза уперлись в переносицу начальника особого отдела. — Имеете вы сведения, с кем общался последнее время этот Степнов? О чем разговаривал? Куда ходил?

— В общих чертах... — ушел от ответа главный контрразведчик войсковой части.

— В общих? — Толстая шея генерала стала багроветь, глаза в красных прожилках выкатились так, что Травкин почувствовал дурноту. — Что значит — в общих?! Конкретно! С кем он разговаривал в последнее время? И о чем? Отвечайте!

— Последние две недели гвардии майор в отставке Андрей Степнов проводил исключительно в кругу семьи. Жены и дочери. С представителями правоохранительных органов и офицерами войсковой части в контакт не вступал.

— Понятно. — Генерал брезгливо поморщился. — Не хватало ему вступать в контакт с твоими органами... Все равно — перепроверить и проконтролировать еще раз. И докладывать лично мне ежедневно! Все, работайте... — Генерал грузно повернулся и вышел, оставив дверь открытой.

А через некоторое время в центральных газетах появилось сообщение о том, что находящийся в нетрезвом состоянии отставной майор ВДВ А.Степнов (уволненный из Вооруженных Сил по дискредитации офицерского звания) незаконно проник на территорию воинской части и открыл стрельбу из пистолета (который незаконно хранил). Попытки обезвредить дебошира не увенчались успехом, он забаррикадировался в подсобном помещении и продолжал беспорядочную стрельбу. Командование части вынуждено было вызвать бойцов спецподразделения. Однако до штурма дело не дошло — пьяный отставник покончил с собой. О том, что толкнуло в прошлом боевого офицера-орденоносца на столь дикую, нелепую выходку, даст ответ следствие. Вероятнее всего, злоупотребление спиртным и постоянные конфликты с семьей.

Хоронили майора лишь на четвертый день после гибели. Кроме жены и восемнадцатилетней дочери Татьяны, были еще два офицера и прапорщик из части. Все трое недавно подали рапорты об увольнении, и им было уже все равно...

Часть первая

БОИ БЕЗ ПРАВИЛ

(ИГОРЬ ЗИМИН)

— Эй, братан! Ну-ка стой!

Здоровенный парень перегородил мне путь. Физиология не отягощена интеллектом, короткая стрижка — ну прямо по воинскому уставу, мощная шея.

— Без проблем, братан! — отвечаю в его же стиле, хотя братан ему — тамбовский волк. — Меня Говор с утра ждет.

— Че ты гонишь? — Бараньи глаза наливаются агрессивностью, зрачки сдвигаются к переносице. — Никто тебя не ждет. — Бочкообразная грудь, затянутая в кожу, двинулась прямо на меня.

— Тебя что, не предупредили? — «догадался» я. — Тогда спроси сам у Анатолия.

Он задумывается. Это очень непривычное для него занятие, поэтому придется потерпеть. Видимо, Толя дал распоряжение никого не пропускать. Неизвестно еще, как он отнесется к моей скромной просьбе.

— Вот я сейчас позвоню шефу... по сотовому... — принимает наконец решение парень. — И если он тебя не знает... — Тут он снова задумывается, решая, какой наиболее страшной карой пригрозить мне.

— Башку мне открутишь и в задницу засунешь! — подсказываю я. Ждать мне некогда — через полтора часа начнется... — Звони.

— Анатоликсеич, — заискивающе загнусавил он в аппарат, — тут к вам...

— Что?! — раздается знакомый, хоть и искаженный

сотовой связью бас. — Выкинь его к чертям... И не звони больше, размундяй!

Узнаю Толю Говора и его фирменное обращение. Тем временем связь прерывается, и размундяй грозно движется в мою сторону.

— Ну?! — Теперь громила непреклонен. — Слыхал?!

Барахтаться с ним нет ни малейшего желания, и меня осеняет здравая мысль:

— Слушай, хочешь пятьдесят долларов?

— Это как? — Сегодняшний день ему не пережить — мозги расплавятся и прожгут черепную коробку.

— Набери еще раз номер Говора и дай мне трубку. Получишь пятьдесят баксов... — Я демонстративно за-сунул руку во внутренний карман.

Как ни странно, это возымело действие. Парень щелкнул кнопками и протянул мне аппарат.

— Ну кто тут еще... — грозное начало не обещало ничего хорошего. Но отступить было поздно.

— Анатолий Алексеевич, вас беспокоит размундяй по фамилии Зимин.

— Игорь... — уже другая тональность. Похоже, Толя несколько удивлен. — Заходи...

Вручив аппарат хозяину, я двинулся вверх по лестнице.

— А баксы? — раздалось вслед.

— После шоу, — обернулся я. — Обязательно! А сейчас у меня только крупные купюры (у меня и рублей-то было кот наплакал). — Так что жди...

Размундяй недобро засопел, но промолчал.

— Здравствуй, Зимин! — Анатолий Алексеевич Говор поднялся из-за роскошного, ручной работы письменного стола и протянул ладонь, напоминавшую ковш экскаватора. — Решил вспомнить дядю Толю...

— Да, так вот получилось... Мне нужны деньги, Толя. — Я решил поставить вопрос ребром.

Говор был озадачен. Нельзя сказать, что мое заявление его обрадовало или удивило. Тем не менее он все-таки рад был меня видеть.

— Деньги... — Говор медленно двигал мощной нижней челюстью. — Хочешь попросить взаймы?

— Ты же знаешь, Толя, не люблю быть должником... — Я не мигая смотрел в глубоко посаженные темные глаза Говора, прятавшиеся под густыми бровями и крупными надбровными дугами. — Я хочу драться.

— Когда? — озабоченно произнес Анатолий.

— Сегодня, — спокойно отвечал я. — До начала турнира больше двух часов. Ты вполне успеешь включить меня в список, а я успею подготовиться.

Говор, ни слова не говоря, вернулся за стол. Положив громадные кулаки на полированную поверхность, уставился на меня.

— Ты хоть в форме? — наступила его очередь задавать риторические вопросы. — Курить не начал?

— Курить — здоровью вредить, это всем известно. А насчет формы — вторую неделю спаррингуюсь с чемпионом Краснодарского края по тайскому боксу. Парень с осеннего призыва. Отличный боец, тяжеловес.

— Все круче, и круче, и круче... — попытался пропеть Анатолий Алексеевич, однако со слухом у него были серьезные проблемы. — Серьезные проблемы с денежным довольствием?

— Второй месяц... Как и везде.

— Совсем охренели! Это чтобы таким мужикам, как ты, денег не платить! — Говор неожиданно со свистом жажнул правой по воздуху, прямо как в боксерской молодости.

— Реформаторы... — завелся Толя. — Бросай ты эти портянки и давай ко мне! Я тебя не обижу, настоящая твоя цена мне известна!

— Посмотрим... Так как насчет боя?

Толя достал из стоящего рядом шкафчика видеокассету и протянул мне.

— Твой соперник, — объяснил он. — Иди в соседнюю комнату, разомнись и посмотри партнера, время еще есть. От себя скажу коротко: тяжеловес, рост около ста девяносто. Медлителен. В прошлом борец-вольник. Ударная техника хреновая, но если угодишь под его клешню в захват, может сломать шею. Агрессивен, молже тебя. Работать будет в полную силу — наши правила тебе известны.

— Отлично... Какова ставка?

— Сейчас сказать трудно... Если бы ты появился хотя бы вчера... — Под столом раздался шорох, Толя бросил туда быстрый взгляд и, успокоившись, вернулся к разговору. — Думаю, пять... Лично тебе. В случае победы, конечно. Сейчас буду договариваться.

Я удовлетворенно мотнул головой и уже собрался идти в соседнюю комнату, как под Толиным столом снова послышались шорох и писк.

— Что там у тебя? — поинтересовался я, стоя у порога.

— Иди посмотри... — Толя улыбнулся почти по-детски, насколько позволяли его внешние данные, и помянул меня к столу.

На ворсистом коврикe лежал, положив вислоухую голову на лапы, черный лохматый щенок с белой отметиной на левом ухе. Рядом стояли две пластмассовые плошки — одна с молоком, другая с водой. Как же я раньше не догадался — страсть Говора к четвероногим тварям уже стала притчей во языцех.

— Позавчера в подъезде подобрал, — объяснил Толя. — Какой-то размундьяй выбросил, а оно совсем еще дите...

— А чего под столом держишь? — спросил я.

— Так ходят тут размундьяи всякие, напугают зверя! А здесь он в уюте...

...Что бы ни случилось — шоу должно состояться!

— Дамы и господа, а также не менее уважаемые товарищи! Сестры и братья! Прошу внимания!

Роль придурковатого конференсье с трудом удавалась бывшему заслуженному артисту. Лет двадцать пять назад он был обалденно популярен, исполняя роли отважных чекистов 20-х и проницательных сыщиков с Петровки, 38.

— Итак, сегодня, дорогие зрители, нам предстоит узнать имя абсолютного чемпиона летнего турнира. Сегодня мы сможем лицезреть этого героя плоти и духа. Женщины!..

Далее полилась стандартная галиматья. Я не удержался и тяжело вздохнул, мотнув головой.

Анатолий Алексеевич образно прокомментировал работу ведущего. Мы сидели с ним в закрытой ложе Дворца спорта. В былые годы здесь сиживал Леонид Ильич с компанией.

— А теперь слово нашему главному спонсору и организатору, президенту ассоциации «Русский поединок», чемпиону Европы по боксу, Анатолию Алексеевичу Говору!

Кривляка-ведущий отступил на несколько шагов, и на подиум неторопливо взгромоздился Толя. Зал взорвался бурными и продолжительными...

— Спасибо, ребята... — произнес Говор, подождав, когда смолкнут последние хлопки. — Простите за банальность, но скажу коротко: больше дела — меньше слов. А победит, как и всегда, сильнейший! Желаю всем приятно провести этот вечер!

Молодец Анатолий Алексеевич! Больше дела — меньше слов...

— Ну а сейчас по доброй старой традиции музыкальное приветствие для всех участников и зрителей «Русского поединка». Итак, Сергей Алданов и группа «Сити-бэнд».

Когда песня окончилась и музыканты покинули подиум, начался первый поединок. Здесь я позволил себе расслабиться, закрыл глаза и отключился. В конце концов я сюда приехал за сто пятьдесят километров работать, а не глазеть шоу мордovorотов.

— Итак, господа! Наконец настало время долгожданного финального поединка!

Голос ведущего вывел меня из состояния «шавасу», что на языке йогов означает абсолютный покой и безмятежность. Я открыл глаза, встряхнулся, сохраняя расслабленность во всем теле. На старт...

— Встречаем: в красном углу — Амбал Вышибала!

В говоровском турнире все бойцы выступают под вымышленными именами или псевдонимами. С Амбалом Вышибалой я был знаком заочно лишь по Толиной видеокассете, которую успел просмотреть за двадцать минут до начала. Вышибала был значительно выше и тяжелее меня, к тому же лет на восемь помладше. Излишне массивен, но вынослив. Его бугристые мощные предплечья были покрыты цветными татуировками на темы восточного эпоса (драконы, кривые сабли и тому подобные страсти). Переломанные, плотно прижатые к бритому черепу уши, вдавленный нос с широкими ноздрями и глубоко посаженные угрюмые глазки — все соответствовало сценическому псевдониму.

...— А в синем углу боец, который именуется коротко и просто: Гвардеец!

Аплодисменты показались мне не менее громкими, чем после выступления алдановского бэнда. Не ожидал. Последний раз я работал в Толином шоу около года назад. Тогда я положил гибкого, прыгучего корейца, именуемого Мастер Ву. Кстати, не вижу его сегодня... Однако поклонники мордобоя запомнили меня! Натянув на голову черную шапочку-полумаску ниндзя, я двинулся вперед....

Ничего себе медлительный Амбал Вышибала! Видно, видеокассета не совсем свежая — с момента съемки парень успел «подрости» не только в вольной борьбе, но и в кикбоксинге. К тому же его наверняка предупредили, что я опасен в ближнем бою. Мощные рубящие воздух удары ручищ и ножищ заставляли меня сохранять дистанцию. Толя говорил что-то про неважную ударную технику. Впрочем, для чемпиона мира она действительно хреновая. Мне же с моими скромными первыми разрядами по боксу и гиревому двоеборью вполне достаточно. Приходилось уклоняться или по возможности блокировать Амбальи удары, не подпуская Вышибалу близко. Однако, взяв такой темп, он скоро выдохнется. Правда, возможно, успеет урыть меня... Ко всему прочему у него неплохая защита — в челюсть пробить с моих позиций непросто, а печень надежно прикрыта... Что ж, Амбал Вышибала, потанцуем! Придется выматывать тебя в вальсе, посмотрим, какой ты стайер. Единственное, что запрещено бойцам в подобном поединке, так это тыкать соперника в глаза пальцами или фалангами пальцев, а также ломать суставы. Удары в пах и головой в лицо формально не запрещены, и все же бойцы стараются их избегать. Во-первых, существует определенный кодекс чести, а во-вторых, если подобным приемом ты свалишь противника, с тобой рано или поздно расправятся точно так же.

Вот оно! Амбал Вышибала допустил первую ошибку. Увлечшись яростным избиением воздуха, он подпустил меня слишком близко. Успешно уклонившись от сокрушительного бокового в челюсть, я нырнул вплотную к Амбальему животу. Жестко захватил Вышибалу за предплечья, упер в живот правую ногу. Рванул всем телом Амбала на себя, падая на спину, и провел классический бросок. Этого Вышибала не ожидал — прием из арсенала дзюдо, меня же в узких кругах знали как рукопашника с упором на ручную ударную технику. Однако подниматься он не торопился! Вышибала был далеко не так

глуп, как могло показаться вначале. Теперь он рассчитывал сделать меня в партере (как вольник и тяжеловес, он имел завидное преимущество), ждал, когда я брошусь к нему — лежащему и почти поверженному. Молодец, Амбал! Я сделал обманное движение, рванул вперед и тут же отпрыгнул в сторону. Вышибала купился на этот номер, вскинул ручищи. Но я был уже у него в тылу. Тем не менее Амбал не дал мне оседлать себя и тут же вскочил на ноги.

И опять он меня удивил! Не так уж он и выдохся, хитрит, гад. Получив тяжелый удар в область сердца, я по инерции успел хорошо ответить, ощутимо ткнув Вышибалу в печень. Это не позволило ему разделаться со мной, пока я приходил в себя после удара в грудь; вальс продолжался.

Раунды и отдых бойцов в «Русском поединке» не предусмотрены, поэтому теперь каждый из нас вырабатывал последние резервы. Амбал дышал как загнанная лошадь и передвигался вяло, хотя взрывной силы в нем было еще немало, он надеялся поймать меня на сокрушительный нокаут ударом в челюсть или на борцовский захват за шею. Я же успел восстановиться после удара и был еще достаточно свежим — на занятиях в учебке и на полигоне и не такое выдерживал. Потанцуем еще!

Я кружился вокруг него, все чаще доставая по корпусу и по лицу. Удары несильные, однако они лишают Вышибалу душевного равновесия и провоцируют на неосторожности, а я на это и рассчитываю.

Но получил я не то, чего ожидал. Рассвирепев после очередного тычка, рассекшего ему бровь, Амбал резко выдохнул, прижал мои локти к бокам и что есть силы боднул своей чугунной башкой прямо в физиономию. Я успел откинуть голову, но бритый Амбалий калган все же вмялся мне в нос и губы. Во рту появился неприятный солоноватый привкус, слава богу, зубы уцелели. Все, Амбал Вышибала! Я думал, ты нормальный мужик, а ты оказался подонком! Теперь не обижайся!

Уходя нырком под Амбалью правую, посланную в мой подбородок в надежде завершить нокаутом «комбинацию», я ткнул гада под кадык. Правилами такие удары не возбраняются, к тому же я дозировал свой удар. Амбал не ждал такого ответа, он булькнул, икнул и «поплыл». Мне осталось лишь провести классический боковой по открытой челюсти... Нокаут!

— Не узнаю тебя, парень. — Толя выглядел недовольным. — Надо больше тренироваться, иначе окончательно потеряешь форму.

— И часто этот Вышибала берет на калган¹? — спросил я, массируя уставшие мышцы.

— Первый раз. — Говор был недоволен сегодняшней встречей. И разочаровал его, как видно, не только я.

— Все нормально, Толя. — Я попытался успокоить президента «Русского поединка». — Он мне только губы слегка расквасил...

— С ним разговор будет отдельный, — твердо произнес Анатолий Алексеевич. — Пересчитай, здесь ровно пять кусков «зеленью».

— Спасибо, Толя...

— И тебе спасибо... Ты все-таки молодец.

Щенок, благополучно проспавший весь мордобой под Толиным столом, вылез на середину кабинета, зевнул. Затем расправил лапки, присел и сделал лужицу.

— И ты тоже молодец! Во какую лужу нарисовал... — Анатолий Алексеевич нагнулся и погладил юного художника по лохматой спинке.

Покидая Дворец спорта, я снова столкнулся с мощным парнем-секьюрити. И хорошо, а то я ведь совсем позабыл о нем. Он молча топтался около дверей, не решаясь, видимо, напомнить о моем обещании.

¹ Взять на калган — нанести удар головой (*термин рукопашников*).

— Без проблем, братан. — Я сам подошел к нему и вручил обещанные пятьдесят баксов.

Тот, кивнув, не очень внятно выразил благодарность.

— Господин Гвардеец! — услышал я, открывая дверцу «Мерседеса».

— В чем дело? — обернулся я и увидел шустрых ребят с видеокамерами и фотоаппаратами. — А вот снимать не надо! — вежливо попросил я их, и они заметно сникли.

— Простите, пожалуйста! — зачистил самый шустрый из них, а остальные наострили уши. — Вы уже не первый раз побеждаете в «Русском поединке» противников, значительно превосходящих вас по росту и весу, побеждаете чемпионов европейских соревнований. Откуда вы взялись, господин Гвардеец, и где таких готовят?

Вот настырный размундьяй. Сказал бы я тебе! Дождись...

Пятая отдельная гвардейская бригада специального назначения воздушно-десантных войск¹. Вот так, ребята! И помимо Зимина Игоря Васильевича там таких гвардейцев немало...

ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ

— Девушка, вы не меня ждете?

Рита обернулась — перед ней стоял среднего роста, рыхловатый шатен, вызвавший у нее жгучую неприязнь. Толстые короткие пальцы мужчины были украшены синими татуированными перстнями. Рита не разбиралась в толкованиях татуировок, но то, что этот субъект про-

¹ Здесь и далее названия вымышленные.

вел не один год жизни в местах лишения свободы, не вызывало у нее сомнений.

— Нет, вы ошиблись, — коротко, стараясь говорить без акцента, произнесла женщина и отвернулась.

Шатен не торопился уходить. Он продолжал стоять рядом с Ритой, ощупывая ее с головы до пят крохотными наглыми глазками. Так продолжалось около минуты.

— А по-моему, все-таки меня, — наконец проговорил татуированный все тем же хамским тоном. — Вас зовут Рита?

Женщина вяло повернула голову. «Ну здравствуйте! С кем только не приходится контактировать...»

— Так Рита или нет? — уже более нетерпеливо переспросил шатен, решив, что действительно обознался.

Женщина еще не совсем привыкла зваться Ритой.

— Да, я Рита... — чуть помолчав, отозвалась она и, стараясь не смотреть в лицо собеседнику, уточнила: — Вы сами по себе или кого-то представляете?

— Я от Арбитра, по уговору с нашим калининградским знакомым. Есть там такой Генрих Георгиевич. Слыхали, нет?

Да, придется ехать с этим дегенератом. Ничего не подделаешь, Генрих подписался под это дело с ее согласия.

— Тогда едем. — Рита трянула аккуратно подстриженными короткими волосами и подняла с асфальта спортивную сумку. — Прошу вас, давайте в дороге помолчим. Я устала после перелета иневажно себя чувствую.

— Как хотите, — пожал плечами шатен, открывая дверцу иномарки.

«Старается без акцента говорить, сучка чухонская, — думал он. — «Давайте помолчим...» Тварь белесая. На хрен она нужна Арбитру?»

Красавец мужчина с атлетической фигурой и благородной сединой на висках обаятельно улыбался. Затем сделал неуловимое движение рукой, нанеся в воздухе

резкий рубящий удар. Брови его нахмурились, нижняя челюсть выдвинулась вперед — он моментально приобрел агрессивный, даже пугающий облик. Затем мужчина столь же неожиданно шагнул назад, расслабил мышцы круглого лица, ухарски гикнул, ухмыльнулся в тридцать два зуба, хлопнул в ладоши и... исчез.

Нельзя сказать, что общение с собственным зеркальным отражением было любимым занятием Егора Альбертовича Кононова, тем не менее, оставаясь в одиночестве, он иногда подолгу общался с полуметровым стеклом. Известный предприниматель и меценат, независимый депутат Государственной думы, друг спортсменов и актеров кино, Егор Альбертович был просто обязан заботиться о своей внешности и нравиться другим. А в первую очередь он должен нравиться самому себе. И это у него получалось неплохо.

Телефонный звонок не был для него неожиданностью, напротив — он ждал его уже минут двадцать.

— Егор Альбертович! — услышал Кононов в трубке голос Геры Кохана, личного депутатского помощника. — Я из аэропорта! Встретил нашу знакомую. Куда теперь ехать — к вам или в гостиницу?

— Давай ко мне... — с деланной небрежностью распорядился депутат.

Скинув халат, он снова застыл перед зеркалом, раздумывая, в каком виде он предстанет перед незнакомкой, о которой был много наслышан.

Женщина по имени Рита оказалась хрупкой, невысокой блондинкой. Одета она была просто, но элегантно: длинный белый плащ с большими пуговицами, узкие брюки, изящные сапожки на тонком, копьсообразном каблуке. У нее были правильные тонкие черты лица, яркие светло-синие глаза. Взгляд умный и холодный. Гера рядом с ней выглядел законченным придурком.

— Здравствуйте, — первой поздоровалась Рита и тут же задала вопрос: — Вы Арбитр?

Егор Альбертович предстал перед ней в темном двубортном итальянском костюме и белой рубашке с галстуком.

— Здравствуйте, Рита. — Кононов тоже придерживался официально-делового тона. — Арбитр — это мой, гм... рабочий псевдоним... — Он немного помолчал и добавил: — Такой же, как Кельт — у нашего уважаемого Генриха Георгиевича.

Уголки Ритиных губ слегка дернулись.

— То, что вы знаете Кельта, дает основание доверять вам, — произнесла она и расстегнула верхнюю пуговицу. — Куда можно повесить плащ?

Через некоторое время они сидели за большим круглым столом у открытого окна. Их было четверо — помимо Арбитра, Риты и Геры присутствовал начальник кононовской службы безопасности Миша Клименко, бывший сотрудник ФСБ. (Службы как таковой не имелось, была просто охрана, но «начальник службы безопасности» звучит куда внушительней, чем «начальник охраны».) Гера пил пиво, Миша — боржоми, Рита отказалась от напитков, хозяин тоже воздержался; тихо жужжавший на подоконнике вентилятор гнал прохладный ветерок, напоенный ароматом раскинувшейся под окном лесопарковой зоны, и для Арбитра это было куда приятнее пива... Вначале из соображений конспирации он не хотел встречаться с «зарубежным специалистом», к тому же дамой, но потом передумал — какая уж тут конспирация, она знает Кельта, а тот знает о нем столько... Нет, лучше держать все нити в своих руках.

— Работа предстоит серьезная... — Арбитр не спешил излагать суть дела, хотелось присмотреться к гостю получше. — Оплата соответствующая. Нам нужен специалист высочайшего класса, при этом никогда не светившийся ни в Москве, ни в области. Кельт порекомендовал вас, Рита. Надеюсь, он не ошибся.

— Говорите по существу... — Голос Риты был устав-

шим и бесцветным, как ее волосы. — Я привыкла к серьезной работе. Оплата, как сказал Кельт, двадцать тысяч за акцию. Это так?

— Разумеется. — Арбитр неторопливо разглядывал исполнительницу. — Но акции будут ответственные.

— Вы это уже говорили, не надо повторять одно и то же.

Манеры этой штучки сбивали с толку. В беседу вступил отставной чекист Клименко:

— С каким оружием привыкли работать?

— Стандартное — «СВД», нестандартное — «зимсон». Малокалиберные винтовки типа «ТОЗ»... Что вас конкретно интересует?

— Вы занимались биатлоном?

— Нет. Моя спортивная специализация пистолет. Винтовки я осваивала самостоятельно. Мой дядя бывший биатлонист, у него их несколько.

— Говорят, вы работали... — Клименко сделал паузу, — в Чечне?

— Я в разных местах работала, — голос Риты остался бесцветным и усталым. — Это не имеет отношения к делу.

— Действительно, Миша. — Арбитр, красуясь, дружинисто поднялся и направился в дальний угол, к несгораемому сейфу. — Рита, подойдите, пожалуйста.

Арбитр извлек из сейфа небольшой блестящий пистолет с глушителем, протянул его подошедшей Рите.

— Такая игрушка знакома?

— «Беретта», — коротко охарактеризовала она ствол. — С этой маркой я мало работала. Заряжен?

— Разумеется. Полная обойма.

— Пристрелян?

— Конечно. Причем специалистом.

— Посмотрим.

Неожиданно она передернула предохранитель и резко обернулась к мужчинам, сидевшим за столом на фоне окна. Пистолет в ее руке трижды негромко чихнул.

Из Гериных пальцев, державших пустой пивной бокал, на стол посыпались осколки; Мишина капитанская трубка, которую он держал в руке, осталась без мундштука; жужжание вентилятора смолкло — пуля перебила электропровод. На полминуты воцарилась тяжелая тишина.

— Ну дает... — первым издал звук Гера, с недоверием разглядывая невредимую ладонь.

Отставник с Лубянки молча положил искалеченную трубку в пепельницу.

— Еще вопросы будут? Нет? Возьмите. — Рита протянула оружие Арбитру, который в этот момент совсем не походил на красавца мужчину в зеркале.

— Вы хорошо стреляете, — проговорил он севшим голосом, — и все же к чему этот цирк? Вы что, ждете аплодисментов? А с кем могут встретиться ваши пульки за окном, вы не подумали?

— Я жду, когда кончатся ненужные вопросы и начнется разговор о деле. А за окном мои пульки могут встретиться только с березкой или осинкой. — Рита вернулась к столу, налила полбокала боржоми, сделала глоток и тем же тусклым голосом закончила: — Материальный ущерб, уважаемые господа, можете компенсировать из моего гонорара. Я не возражаю... Теперь давайте к делу, а если вы не готовы — отвезите меня в гостиницу, повторяю, я устала и хочу спать.

НЕОЖИДАННЫЙ ЗАХВАТ

(ИГОРЬ ЗИМИН)

С Толей Говором мы познакомились года полтора назад. Дело было летом, в столицу я приехал по служебным делам. Возвращался поздно, спешил на последнюю электричку, вдруг нате вам... Около одного из ка-

баков (это я по вывеске догадался) потасовка. Причем серьезная. Ввязываться не хотелось.

Огибая дерущихся, я легко уяснил ситуацию: один уже «отдыхает» в луже без признаков жизни, а четверо других кого-то атакуют. Напористо, но без особого успеха. Поравнялся с ними, смотрю — широкоплечий мужик, в возрасте уже, рожа знакомая, но где видел — с ходу не врубаюсь, отмахивается от четверых мордovorотов. Грамотно отмахивается, вот только противников больше, да и моложе они на пару десятков... Может, за дело метелят?

И тут я узнал его. Ничего себе! Это же сам Анатолий Говор! Призер Европы и чемпион бывшего Союза. Я его раньше только по телевизору да на Кубке Москвы видел. Ну еще в газете «Советский спорт». В конце восьмидесятых Говор куда-то исчез. Поговаривали, что он сидит, чуть ли не за убийство...

Мы одной крови, Толя...

— Мужики! А ну прекратить! — спокойно, но громко и отчетливо говорю я. В таких ситуациях иной раз можно взять на голос.

Но одного голоса для этих ребят оказалось недостаточно. Двое из них отделились и быстро направились ко мне. По их четким движениям я понял, что ребята не пьяны, на ногах стоят крепко и настроены серьезно. К тому же их весовая категория была много выше той, в которой пребывал щуплый размундяй Зимин.

Первый удар я успешно блокировал, отскочил и врезал нападавшему носком стопы под коленную чашечку. Тот взвыл и скрючился на асфальте. Второй парень повторил атаку, однако я уже был наготове. Успел поднырнуть под его руку, развернуть корпус и врезать мордovorоту по ребрам. Локтем, с разворота. Локти я месяцами набивал о боксерскую грушу и другие твердые предметы, поэтому парень захрипел, как вспоротый футбольный мяч, и улегся на асфальт рядом с приятелем.